

Но однажды его осенило: а почему бы не превратить живых людей в своих «спутников»? Все были бы единым целым, симбионтами — как прекрасно! Тогда в мире не стало бы различий и дискриминации, все жили бы счастливо и радостно.

Так же, как и он сам. Его три «ипостаси» вместе с ним наслаждались красотой и радостью мира, и он был уверен, что в тот момент они тоже трепетали от восторга, оценив его гениальную идею.

Дальше — больше. Он почти что лишился рассудка и начал планировать убийства. Правда, до дела не дошло: его схватили при попытке украсть свежий труп из больницы и отправили на принудительное лечение.

«Они разве умерли? Они же всё время улыбались и смеялись. Так же, как и я, — счастливо», — такими были первые слова пациента.

На второй встрече он сказал: «Я чувствую, в тебе есть потенциал. Хочешь стать моим спутником? Я поделюсь с тобой счастьем».

На третьей встрече заявил: «Твоя голова мне очень мешает».

Юй Фэн отчётливо ощущал: пациент и вправду жаждал стереть его «мысли». То ли это были критерии отбора «спутников», то ли инстинктивное ощущение опасности, исходящей от врача.

В конце концов, с помощью комбинации лекарств и терапии, Юй Фэну удалось повернуть систему ценностей пациента вспять — вернуть к тому состоянию, что было до болезни. Разумеется, риск оставался: в любой момент ценности могли снова поползти в сторону некрофилии. Но на тот момент это был оптимальный вариант.

Ведь сам пациент не желал возвращаться к «нормальности».

Обычно таких пациентов и не стоит силком заставлять становиться нормальными. Но этот уже перешёл черту и стал опасен для общества, поэтому пришлось применить жёсткие меры, несмотря на его сопротивление.

Полгода электрошока, медикаментов, гипноза и психотерапии — и проблема была решена.

Перед выпиской тот сказал Юй Фэну: «Он сказал, что вернётся. И сделает тебя своим спутником».

Юй Фэн не придавал этим словам ни малейшего значения. Подобных угроз он слышал если не десять тысяч, то уж тысячу — точно. Да и стоит ли вообще обращать внимание на того, кого после лечения ждёт тюрьма?

Даже Пэн Цзэфэн воспринимал такие ситуации как должное и не кипятился, даже если угрозы звучали в его адрес.

В мире обычных людей угрозы — не редкость, и процент их реализации отнюдь не низок. В их же, «хаотичном», мире это и вовсе будни, не стоящие упоминания.

— Нет. Хотя преступление совершено в здравом уме, очевидно, что оно было спровоцировано тяжкой виной самой жертвы. Закон в таких случаях проявляет снисхождение. А уж я-то, по личным соображениям, и подавно могу помочь, разве не так? — Пэн Цзэфэн отлично понимал, что с моральной точки зрения такой выбор сомнителен. Но на эмоциональном уровне он не

считал тот поступок в тех обстоятельствах чем-то непростительным.

Для человека, пережившего нечто подобное, если ценой разрушения собственного будуня можно утащить на дно демона — это уже выгодная сделка.

— Нет-нет. Просто кажется, ты стал мягче, — заметил Юй Фэн. — Тот Пэн Цзэфэн, которого я знал, никогда не лез в лишние хлопоты о пациентах. В процессе лечения — да, отдавался полностью. И после излечения наблюдал, пока не убедится, что рецидива не будет. Но уж социальные последствия болезни или личные связи пациентов — это было не его дело. А тут сначала тот юный пациент поколебал твои принципы, а теперь вот этот одним хого тебя купил?

Пэн Цзэфэн встал и потянулся.

— Наверное, потому что потребности у пациентов разные? Прежние хотели, чтобы я их вылечил. А этот... он просто хочет, чтобы кто-то понял его чувства. Ты же знаешь, на работе я обычно не позволяю себе личных эмоций. Но когда погружаешься в миры, которые они описывают, или в их ситуации... всё равно заражаешься. Я знаю, что он напуган. Знаю, что страдает.

— Раз уж ты так хочешь ему помочь, я точно не буду тянуть тебя за ногу. — Юй Фэн взял со стола папку, которую только что отложил. — Пойду, свяжусь с юристами. А потом — ужинать с девушкой.

— Иди. Судя по её характеру, она уже, наверное, извелась вся. — Пэн Цзэфэн так и не мог понять, что Юй Фэн нашёл в человеке с такой жуткой собственнической жилкой. Или, может, когда любишь, даже быть «собственностью» — счастье?

Юй Фэн смущённо ухмыльнулся.

— Я два дня выключал телефон. Она тебе не досаждала?

— Как думаешь? Она набрала мне раз тридцать. То спрашивала, вернулся ли ты, то — не я ли запрещаю тебе брать трубку. Пока говорила, ещё и... Ладно, иди уже. С документами обращайся аккуратнее. Если будешь выпивать — ни в коем случае не подпускай её к ним, а то порвёт, и будет морока.

— Понял! — Юй Фэн сунул папку в портфель, уже собрался уходить, но развернулся в дверях. — Ты завтра в клинике будешь? Если да — ключ с собой не возьму. Всё боюсь, как бы она тайком не сняла оттиск. Кажется, она к нашей клинике какой-то нездоровый интерес питает.

— Буду. Оставляй, — Пэн Цзэфэн отлично понимал, о чём речь. Та ещё по телефону двадцать раз переспросила, нет ли у него к её Сяо Фэну «каких-нибудь намерений». Чёрт, да Сяо Фэн вообще-то его! Даже если не это, если она снимет копию ключа, то обязательно полезет в шкаф с документами — искать свои «доказательства».

Между ним и Юй Фэном не было и не могло быть ничего такого, что она искала. Разве что на Юй Фэне сейчас была его одежда... Но она даже этого не заметила.

Не понимал он, куда смотрят её чувства, если она не замечает самого очевидного. Как такая может быть достойна Сяо Фэна? Пэн Цзэфэн как-то спросил об этом Вэй Цяньняня, но тот ответил: «Если есть любовь — неважно, достойна или нет. Даже недостатки не будут раздражать».

Что ж, оставалось просто молчать.

Не успел Юй Фэн скрыться за дверью, как в клинику вошли полицейские.

Что ж... Гу Уюань не преувеличивал. Времени узнать его получше и правда было в обрез.

— Чем могу помочь? — Пэн Цзэфэн включил режим «ничего не понимаю».

— Добрый день, господин Пэн. Надеемся на ваше содействие в ответах на несколько вопросов,
— Хуан Мэнсюэ предъявил удостоверение.

— Конечно. Чай предложить? — Пэн Цзэфэн поднялся и подошёл к кулеру, чтобы налить себе стакан воды.

— Не стоит. Скажите, пожалуйста, Гу Уюань — ваш недавний пациент? Что вам о нём известно? Просим сообщить все сведения.

— Если господин офицер не объяснит мне причину, по которой я обязан это делать, то, полагаю, я должен защищать конфиденциальность пациента. Вообще-то, я даже не должен подтверждать, что он мой пациент, — Пэн Цзэфэн прикинул: сегодня, кажется, выпил всего четыре стакана. Не помешает ещё один.

Он допил воду залпом и налил следующую порцию.

Хуан Мэнсюэ усмехнулся.

— Если бы вы не пили воду с такой нервозностью, это звучало бы убедительнее. Вы определённно что-то знаете.

— Кх-кх... — Пэн Цзэфэн поперхнулся. С чего это он решил, что может судить о моём внутреннем состоянии по моим действиям?

Эта самоуверенная, самодовольная манера... просто невыносима.

— Я ничего не знаю, — заявил Пэн Цзэфэн.

— Просим сотрудничать. Иначе мы будем вынуждены пригласить вас в участок за препятствование следствию. Это неудобно для обеих сторон, — лицо Хуан Мэнсюэ стало каменным.

— В чём же он подозревается? — попытался выведать информацию Пэн Цзэфэн. Вчера Гу Уюань рассказал не так уж много, его собственных догадок тоже не хватало, чтобы сложить полную картину. А тут уже полиция на пороге.

— В убийстве.

— Когда произошло?

— Пять дней назад.

— Где?

— Хэй... Позвольте, не вам меня допрашивать.

— Хорошо.

...

...

— Итак, этот диктофон. Пожалуйста, запишите на него вашу следующую беседу. Особенно фрагмент, где подозреваемый может признаться.

— Понял.

После этого краткого обмена репликами слова Пэн Цзэфэна «Понял» были более чем уместны. Ему удалось выяснить примерно следующее:

1. Жертву звали Ван Хэй.
2. Он проживал в пригороде, в районе Хэйшидин.
3. Жилой комплекс, корпус 5, 17-й этаж.
4. Ему было за пятьдесят.
5. Он был педофилом, жертв много.
6. Этот полицейский откровенно глуп.

Заперев клинику, Пэн Цзэфэн сел в машину и отправился в съёмную квартиру Ван Хэя.

Это было здание с облицовкой из белой мозаики. Во многих местах плиточки уже отвалились, и от долгих лет весь дом выглядел обветшалым и поношенным. Зелени вокруг почти не было, общая картина была серой и давящей.

<http://bllate.org/book/16276/1465390>